

Валентин РАСПУТИН

МЫ ВСЕ НЕСЕМ В СЕБЕ ГРЕХ ВИНЫ ЗА СОДЕЯННОЕ

Слово перед собратьями по перу

165 делегатов из 81 писательской организации принимали участие в работе IX съезда Союза писателей, проходившего 14–15 июня в Москве. Съезд, созданный досрочно по требованию большинства писательских организаций, проанализировал состояние и роль Союза в условиях политико-экономического кризиса, обсудил и принял поправки и дополнения к Уставу и к Положению о контрольно-ревизионной комиссии СП России. Красной нитью через всю дискуссию прошла мысль о том, что писатели России перед лицом великой опасности и грядущей катастрофы должны отложить в сторону внутренние разногласия, обязаны искать и найти духовный выход из губительного окружения, которое устроили нам история, враги и предатели народа.

Предлагаем вниманию читателей выступление Валентина Распутина, прозвучавшее в первый день работы съезда.

Здесь правильно говорили о том, что у нас вкус борьбы не угасает, только меняет теперь адреса. Если прежде мы боролись, как я однажды сказал, с противниками, меня поправили, с оппонентами, пусть будет с оппонентами. Теперь борьба перешла в собственные ряды. А дальше? Это очень важно: что дальше? Или будем браться с теми, кого называли противниками, или пойдем в этой борьбе дальше и начнем взыскивать с России и набрасываться на народ. Тем более, что такое в нашей истории уже было. Вот об этом мне и хотелось немного сказать...

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...». Можно согласиться с поэтом об избрании свидетелей и участников великих событий, сдвигающих миры. Но когда «минуты роковые» превращаются в годы моровые, историческая удача присутствия убивается тяжестью физического и нравственного истязания, отчаяния от картины непрекращающегося разрушения.

Все мы так или иначе несем в себе грех вины за содеянное с Россией, потому что еще десять лет назад не было в России более сильных

людей, чем писатели. Общество с удовольствием позволяло себе смеяться над политическими вождями, не доверяло ученым, с тревогой наблюдало явившееся из «образованщины» национальное перерождение технической интеллигенции. Но кто, вспомним, позволил бы себе усомниться в искренности Федора Абрамова, Сергея Залыгина, Юрия Бондарева, Виктора Астафьева, Василия Белова и других, бывших воистину народными писателями, к слову которых жадно прислушивались. Доверие и уважение к ним снизу заставляло считаться с ними и на верхах.

Сейчас это напоминает мастерски срежиссированный спектакль, в котором мы играли роль трудного, затянувшегося, но все-таки выздоравливающего, тогда как поставщики, используя в том числе и наш протест против опасных экспериментов над Отечеством, вели дело к иному финалу. Прозрение пришло к нам поздно. И за шумными хлопотами о физическом и духовном здоровье своего Отечества мы долго не слышали шагов подкрадывающегося убийцы.

А если бы вовремя расслы-

шали — что-нибудь изменилось бы? Это не праздный вопрос. Достоевский предрек революцию за десятилетия до ее наступления, предвидел ее во многих ужасающих подробностях, но революцию не остановил, хотя и имел огромное влияние на общество. К тому времени революция уже вживлена была в тело России и ее микробы повсюду горячили окаянством молодую кровь. Выставленные на всеобщее обозрение верховенские и шигалевы испытывали неловкость недолго: широкое либеральное мнение, в которое входили даже члены императорской семьи, если не изготовляло бомбы, то бомбам сочувствовало. И это тоже сделалось судьбой России — тайно или явно делая своих врагов, а друзей и пророков, если не преследовать, то ставить в такие условия, что и любовь к ним выглядела болезненным поклонением заблудших сердец.

Вообще это не только парадокс, не только глубокое противоречие, но и какая-то тайна русской литературы: самая великая в мире, первая по художеству, по нравственности и духовной силе внутреннего, впитавшая эту силу из глубин народных, она во второй раз за столетие играет немалую роль в разрушении России.

Розанов, быть может, чересчур категоричен при вынесении своего приговора, когда говорит: «Из всех составляющих разложителей России ни одного нет нелитературного происхождения», но как гениальный прорицатель, на дороге смерти подводящий итоги и

жизни своей, и своих наблюдений, он заслуживает того, чтобы не отмываться и от этих суровых слов. Значительно раньше грех «косоглазия» замечает за русской литературой и Достоевский, задававшийся вопросом: «Почему у них у всех (у русских писателей — В. Р.) не хватило смелости (талант был у многих) показать нам во весь рост русского человека, которому можно было бы поклониться? Его не нашли, что ли?»

Все наоборот: смелость не для обличения, а для беспристрастного показа здоровья, чистой фигуры, которая явно существовала поверх неурядиц, грубости, грязи — вон куда завернул общественный запрос, которым руководили особые мастера вкусов, вон какая стояла тогда на дворе «художественная» погода!

Была, разумеется, наряду с обличительной и «лечительная», душестроительная литература, о необходимости мужества для которой говорил Достоевский. Но превосходство первой, восторженный ее прием и все увеличивающийся с годами разрыв между ними сказались на общей работе литературы. А разве не то же самое было и перед второй, перед недавней революцией, несмотря на цензуру и остатки, лучше сказать, останки соцреализма? Разве не искал читатель едва ли не в каждой новинке доказательств своей пропащей жизни и разве литература ему не поддакивала? Но было опять и встречное течение, отечест-

венное, которое помогло очнуться после летаргического сна в полумертвом космополитическом пространстве, искать родные души и родные звуки. Казалось бы, вычистили, выбрали до последней памятки — и вдруг пробуждение подобное восстанию из мертвых. С этим не захотели смириться; тогда-то и явились со своими книжками и программами ожившие в пропагандистских кабинетах шигалевы, не успевшие закончить свое дело после первой революции... Тогда-то и явилась в великом множестве уже не подталкивающая, а взрывная литература из старых и новых запасов, тогда-то и взрвали телеэкраны и полилась клокущая грязь по всем городам и весям, пугая нас тем, что она находит прием. То, что это нас испугало, никаких сомнений нет.

Из песни слова не выкинешь, из литературы мнения — тоже. При виде страшного разрушительного энтузиазма, охватившего Россию после 1917 года, некоторые русские писатели, в их числе Бунин, Розанов, Волошин, не удержались от проклятий своему народу и отечественной истории, больше того — от готовности (быть может, только литературной, но высказанной вслух) скорее отдаться под руку «германцев с запада, монгол с востока», нежели терпеть неисправимое российское варварство.

Не будем судить их; мы еще не дошли до того, что испытывали они. Но и они, опять же, возможно, литературно, ради словца, забыва-

ют, что каждая книга приводит в движение целые миры, задолго до результата баловались талантливым перемешиванием любви и ненависти к своему народу, невольно подготавливая уродливые плоды несовместимости.

Не будем судить... они испытали много. Трудно сказать, что ждет нас впереди. Однако без проклятий, срывающихся с воспаленных уст нашего брата, не обходится теперь. Упаси нас, Господи, когда-нибудь повторить их от себя, какие бы картины ни готовила нам судьба! Ибо откуда же у самого «дурного» в мире народа самое чистое слово и самый нежный звук, откуда у него, «духовно нищего», великое созвездие святых? Да и откуда мы сами, как не из души и тела его, из его страданий и изв? Это «апрельская» литература может сослаться на свое инородное происхождение, оттого и невыносим ей русский дух, а наш-то брат с какой стати кидается на то, из чего он выплелся?

Во второй раз за столетие настагает Россия смертельная опасность «от единственной и основательной причины — неуважения себя». Это диагноз Розанова, но самый точный диагноз. Он относится к русскому народу, поэтому я говорю сейчас о нем. У других российских народов самоуважение, напротив, выросло за последние годы ровно настолько, насколько оно понизилось в русском народе. Мы по-прежнему большой народ, но великий ли, это еще вопрос. Может быть, как говорил Достоевский, это «великий и милый боль-

ной». Но сегодня ему и умиляться нельзя, он весь в язвах, которые пришлось бы долго перечислять, но которые мы все хорошо знаем, в язвах своих и чужих, принятых им с тем же терпением, с каким недавно он привык разделять чужие тяготы, жертвуя благополучием, образованием детей и своим здоровьем... Но на сей раз, если не изменится его отношение к себе, жертвовать придется жизнью.

Нет сейчас у нашей литературы более важной задачи, нет цели более необходимой, чем вернуть русскому имени достоинство и гордость.

Разумеется, это не шапка, случайно потерянная в пьяной драке, которая, если только хорошо поискать, обязательно найдется. Нет, это исцеление надо будет собирать долго, терпеливо, по капле живой воды, по зернышку памяти, по слову надежды, это возвращение из забвения предстоит трудным, но у нас нет другого выхода, как приниматься за эту работу...

Вернуть достоинство и авторитет русскому человеку вне национального его облика нельзя. Существо, поменявшее собственные органы на донорские, стыдящееся своего языка и своего имени, облупленное убийственным светом телеэкрана, нам не товарищ, и не его мы собираемся звать к самоуважению. Наши хлопоты и наше слово к способным вернуться из забвения и дурмана в круг национальной жизни, к вере отцов и отогреть застывшую душу. Своим живущий, своему радующийся, о своем пекущийся, свое продолжающий — та-

кой человек не может не уважать себя.

Русское имя уже не ругательство, куда определили его несколько лет назад; сегодня оно звучит устало, скорбно, но без стыда, с выражением явившихся в нем сил. Оправдан сейчас и патриотизм. Мы можем наконец вслух говорить и о национализме, в том числе и о русском. Я думаю, произошло это не без наших стараний.

Мы говорим: писатель должен быть беспристрастным — т. е. честным, служащим истине. Но когда речь идет о своем народе, о своем Отечестве — нет, писатель должен быть пристрастным, говорить о них с усилением, с состраданием, с любовью, с уважением, замечать и большими буквами выписывать то доброе и чистое, что есть в народе. Да, среди великого множества мерзостей жизни, заваливших нашу Родину, есть и бескорыстие, и радость, и надежда, и святость. Они очень сейчас нужны читателю. Он устал от зла, пошлости и цинизма, грубости и оскорблений. Огромный успех ждет сегодня книгу, где сквозь слезы и страдания, сквозь страх и нужду засветится герой надеждой и любовью и не уронит с красивого лица благодарной за жизнь улыбки.

Если депутата той же Думы, народ избирает для того, чтобы он защищал его права, то нас какой-то невидимой силой народ выдвигает для того, чтобы защищать совесть, веру и красоту. И эту службу мы не можем забывать...